

ФЕЙБЛМАН Дж.

ДВИЖЕНИЕ КУЛЬТУР

Представляем Вашему вниманию перевод главы «Движение культур» («*The Movement of Cultures*») из книги известного американского исследователя культуры Джона Фейблмана «Теория человеческой культуры» («*The Theory of Human Culture*»).

Ставя главной целью своего исследования рассмотреть проблему культурных изменений. Дж. Фейблман считает, что реальная история человечества отличается от представлений о ней в историографии. Основой человеческой истории является культура, под которой автор понимает приблизительно то же, что и его предшественники В. Вико, О. Шпенглер, А. Тойнби и другие.

Культура не является статичной, для описания изменения культур автор предлагает использовать биолого-социологическую аналогию между организмами и обществами. Однако он вводит ряд новых понятий, которые делают эту аналогию более фигуральной, чем содержательной.

Одним из центральных оказывается категория *implicit dominant ontology*, что было переведено как «имплицитная доминантная онтология», под которой подразумевается некоторая совокупность культурных ценностей и знаний, господствовавших в определенном обществе в конкретный период времени.

Изменение имплицитной доминантной онтологии взаимозависимо с изменением внутренних факторов. К внешним факторам Фейблман относит климатический, биологический, физический, психологический, социальный уровни внешней среды, а к внутренним — изменения в социальных институтах, одним из которых является *shift*, понятие, переведенное как «сдвиг», который заключается в перераспределении ролей социальных институтов. Необходимо отметить, что одним из наиболее важных факторов изменения культур автор считает такой внутренний культурный фактор, как изменение системы ценностей.

Следует оговорить другое часто используемое Фейблманом понятие *actual individual*, что было переведено как «реальный индивид», под которым подразумевается реально существующий, активный действующий субъект истории, который опосредованно является адептом культурных изменений. Следующая категория — *actual thing*, как представитель не только внутренней, но и внешней среды. Это понятие было переведено как реальная вещь, и я предлагаю понимать под этим некоторый объективно существующий фактор «среды» (в понимании Фейблмана), оказывающий воздействие на изменение культуры посредством воздействия на имплицитную доминантную онтологию. Автор разработал своеобразную концепцию диалектики, которая проявляется в определенных состояниях культур которые Фейблман называет состояниями «стабильности» (*stability*) и «стрессов» (*stresses*). Диалектические отношения описываются американским исследователем как отношения причинности (*cause*) и возможности (*occasion*). Он уделяет много внимания разграничению этих понятий. Он предлагает различать объективную реализовавшуюся причину культурных изменений, которая всегда одна, а именно, изменение имплицитной доминантной онтологии, и возможность как некоторую совокупность потенциальных, но не реализовавшихся причин конкретного изменения.

В подходе Дж. Фейблмана к исследованию изменений культур, как уже было указано, четко прослеживается аналогия с теорией Тойнби и его концепцией «вызова и ответа» (*challenge and response*), как источника социокультурных изменений. Однако, хотя следуя традиции Вико, Шпенглера и Тойнби, автор предложил новую интерпретацию механизма динамики культуры и ряд понятий, позволяющий выявить скрытые пружины этого механизма.

Работа Дж. Фейблмана «Теория человеческой культуры» представляет собой большую ценность для исследователей, интересующихся проблемами теории и типологии культуры.

До сих пор мы уделяли внимание рассмотрению статического анализа культуры. Логически культуры состоят из определенных элементов и отношений, из определенных целых и частей, а также из их комбинаций; но, конечно, ни одна из действительно существовавших культур в точности не соответствовала этим идеаль-

ным конструкциям. Культуры, как и все реальные вещи, всегда находятся в состоянии изменения, развития, прогресса или регресса, организации или дезорганизации, что недостаточно отвечает требованиям идеального анализа. Как ни одна конкретная культура не отвечает в полной мере характеристикам отдельного типа, что отмечалось в предыдущей главе, так ни одна социальная группа не бывает всегда статичной, но каждая вовлечена в более или менее постоянный процесс флуктуации и изменения. Наилучшим способом изучения культурного изменения является наблюдение самого феномена изменения в различных ситуациях, в которых оказываются отдельные социальные группы в реальном мире. Тем не менее, даже эта процедура не будет средством исчерпывающего объяснения природы культур. Как открыли математики в последние несколько веков, изменение, само по себе, может быть подчинено формальным правилам и представлено для демонстрации определенных регулярностей. Другими словами, существует модель культурного изменения, как и любых видов изменения. Успехи и поражения, восходы и закаты культур отвечают данному описанию, хотя несомненно в истории культур существует множество частных различий. В этой главе мы попытаемся изложить некоторые рудиментарные наблюдения сходств в развитии культур...

А. Диалектика актуальности

Историю можно рассматривать как поток событий, вытекающих из далекого прошлого, проходящих через настоящее в направлении отдаленного будущего. Та часть истории, которая имеет отношение к моделям, социальным группам и культурам, называется человеческой историей. Действительно, история это больше, чем та ее часть, которая связана с человеческими существами. Существует история планеты, реки, Вселенной. Но здесь мы будем касаться главным образом истории культур и окружающей их среды. Окружающую среду культур сложно определить. Очевидно, что культуры подвержены влиянию изменений дальних и ближних окружений: любое событие в межзвездном пространстве, столкновение планет могли бы легко уничтожить всю человеческую жизнь. Возможно, пятна на Солнце в некоторой степени регулируют темпе-

ратуру и электрический потенциал Земли и таким образом серьезно влияют на человеческую деятельность. Проблема в любом случае должна быть рассмотрена с точки зрения культурной перспективы; и мы будем обращаться к «нечеловеческим» событиям только если обнаруживается их влияние на события в человеческом мире.

Важное различие должно быть оговорено по этому вопросу. Саму историю событий нужно отличать от того, что считается историей событий, история должна быть отделена от историографии. Интерпретация и понимание истории изменяется от века к веку под влиянием имплицитной доминантной онтологии (*implicit dominant ontology*), через призму которой ход событий рассматривается историками; но сама история не изменяется. Что уже случилось в прошлом, то случилось, и никакая сила на Земле не может теперь изменить или уничтожить это. Мы можем забыть что-то о прошлых событиях, и мы можем узнать о других; так наше знание истории совершенствуется или деградирует (в соответствии с нашими взглядами на природу вещей), но сама история, ход событий, о которых мы пытаемся получить знания, не изменяются совсем. Фактом является любое конкретное событие, которое действительно произошло. Если, как мы считаем, вестготы действительно вторглись в Рим в 410 г. н.э., то этот факт должен оставаться навсегда, и с этим ничего не поделаешь. Мы абсолютно бессильны перед лицом фактов прошлого; и сколько бы мы не сожалели о них, мы не в силах повернуть время вспять и предотвратить их появление. С другой стороны, мы все-таки до некоторой степени контролируем историографию. Наши верования могут быть изменены только силой разумной очевидности; но мы постоянно увеличиваем наши знания о прошлом, и в свете нового знания мы пересматриваем мнение о том, что случилось. Это в основном касается истории, понимаемой как события, которые произошли, происходят и будут происходить, с чем мы и имеем здесь дело.

Существование чего-либо, будь то электрон, планета, кристалл, фермент, организм, социальная группа или целая культура, подчинено одновременно порядку и конфликту. Они следуют определенной логике, имплицитной их организации, и вступают в конфликт с другими реальными явлениями, которые встречаются на их пути. Поскольку все реальные вещи имеют позитив-

ную составляющую, будучи неполными, они стараются дополнить себя и сталкиваются с трудностями относительно других реальных вещей, появляющихся у них на пути и стремящихся к достижению той же цели. Ничто реальное не совершенно, иными словами, все имеет цель и для достижения этой цели прилагает силу или энергию. Пока вещь не сталкивается с помехой в достижении своей цели, пока она встречает помощь, ее развитие будет спокойным. Но ни одной вещи не удастся сохранить это спокойствие навсегда. Конфликт может быть как внутренним, так и внешним; вызванные другими вещами серьезные недостатки, о существовании которых даже не было известно, могут развиваться. Один неисправимый факт обнаруживается при изучении жизни: ничто из существующего не вечно. Любая реальная вещь в конечном счете обязательно встречает поражение и смерть. Деятельность чего-либо реального либо истощает это реальное, либо ведет его к борьбе, к которой оно не готово.

Перипетии любой реальной вещи хорошо иллюстрируются судьбой организма. Каждый организм является одновременно единством и частью бесконечности. Он следует своей собственной ограниченной логике и все же стремится дополнить себя в соответствии с требованиями идеального порядка. Делая это, он вступает в противоречие. Организм проходит свой собственный путь развития, самоизменения и репродукции; тем не менее, когда он сталкивается с трудностями, существуют ограничения возможностей их преодоления. Если трудности оказываются слишком велики организм может погибнуть. Так и происходит, когда организм встречается с непреодолимыми трудностями, такими, как микробы или несчастные случаи, которые доводят его организацию до критической точки. Организм может развиваться и выжить с помощью особого вида изменений, называемого мутацией; в этом случае новый организм разделяет определенную среду со старым. Он снова может выжить путем регресса; он может изменить свою цель и выжить, став чем-то меньшим, чем он был первоначально. В первом случае результатом будет триумф противоречий и смерть. Во втором случае противоречия будут встречены на более высоком уровне. В третьем случае организм избегнет противоречий и перейдет на более низкий уровень существования.

Как только с одним препятствием покончено, появляется другое; и разрешение второго отличается от первого. В конце концов организм все равно встречает непреодолимое препятствие, результатом чего становится смерть. Но пока это не случится, он колеблется от одной трудности к другой, преодолевая каждую из них различными способами. Таким образом, можно увидеть, что организм следует диалектическому курсу в реальном мире. Курсы развития организма невозможно предсказать; слишком многое зависит от случайных обстоятельств. Больной человек может прожить гораздо больше, чем надеялся, из-за силы его соматического организма, который не позволяет ему «приспособиться» соответствующим образом. Здоровый человек, с другой стороны, может быть сбит машиной.

Диалектика — это вьющаяся синусоида, по которой следует реальная вещь на своем пути к цели; это зигзагообразный путь, шатание от одного противоречия к другому, от противоположности к противоположности, в вечном поиске идеала.

Каждая реальная вещь старается соответствовать своей собственной природе, следовать курсу, диктуемому логикой ее собственной организации. Так как сила внутренних дефектов и внешних обстоятельств делает это практически невозможным, необходим продолжительный компромисс. Диалектический путь существования организма, как и любой другой реальной вещи, можно представить в виде волнистой линии, стремящейся приблизиться к прямой, проходящей через нее. Организм разумен и логичен, но он частично слеп. Он знает совсем немного о своей собственной логике и ситуациях, с которыми ему придется столкнуться. Так он уклоняется от препятствий, преодолевает их и становится частично или целиком защищенным другими. Идеальный путь пересекается снова и снова; и в извилистом пути реального объекта оказывается больше случайности, чем необходимости.

Конечно, культуры являются примером реальных систем (actual organizations), они переживают те же взлеты и падения, что и все другие реальные организации, и в этом они вынуждены следовать диалектике. Предоставленные самим себе, они стремятся руководить собственными жизнями. Они растут и развиваются, какие-то собственные способности они осознают, а какие-то — нет; они

борются с препятствиями способом, очень похожим на способ других реальных вещей, и в этом они вынуждены избегать и бороться с одними, преодолевать другие; и в конечном счете погибают.

Случай и диалектика отвечают за такие несчастные случаи, как диффузия и другие перерывы в независимом развитии. Идеальная тенденция культур рождаться, расти и развиваться в соответствии с устоявшейся моделью никогда не выполняется полностью. Она всегда прерывается из-за появления внешних факторов. Какими будут эти факторы и когда произойдет перерыв, определяется большей частью случайностью и несчастным случаем, то есть диалектикой. Разум — это инструмент, с помощью которого трудности в действительности могут быть предупреждены и заранее преодолены; так что с помощью разума действие диалектики может быть частично уменьшено. Но только частично, поскольку разум не может избежать полностью препятствий и сложностей, вызванных случаем.

Жизнь социальных групп, наций, сообществ, институтов можно спланировать, но в то же время они столь же подвластны случаю, как и все другие реальные вещи. Социальные организации пользуются руководящим мышлением разумных существ, входящих в них, но в некотором смысле социальные организации еще более слепы, чем индивиды. Очень сложно части понять целое, в которое она входит. Все социальные образования прошлого, о которых мы знаем, в конечном счете погибли. Это рано или поздно должно случиться с каждым. Ценностью культуры является не ее бесконечность, а скорее ее достижения и то, как она может организовать их, пока существует. Ценность культуры определяется также вкладом в дело прогресса всего человечества. Цель культуры — актуализировать ценность как в конкретном так и в символическом аспектах, в том, сколько ценного она сможет предложить непосредственно своим членам и сколько — передать в символической форме более поздним культурам.

Аналогия между культурой и организмом чревата опасностями. Культуры — живые системы, как и организмы. Но они ни в коем случае не являются такими внутренне связанными системами, как организмы. Аналогия соблазнительна, но не более того, и только в очень узких рамках. Культурам не достает чувствительно-

сти, осведомленности, совершенства, которые есть у организмов. В другом случае, возможности культуры превышают возможности организмов. Культура включает в себя больше, она обладает большим количеством элементов и связей и обычно существует гораздо дольше. Более того, она имеет организацию другого типа. Идеологи диктаторского типа любят указывать на централизованную природу органического контроля и часто желают формировать структуру наций по образцу организмов. Такое мышление по аналогии зиждется на многих заблуждениях; во-первых, организмы гораздо более демократичны, чем считает диктаторская идеология, во-вторых, нации и культуры — не одно и то же. Где находятся границы очень сильной, широко распространенной китайской культуры — на границах самого Китая? В Бирме? В Индокитае? Несомненно, культурам не достает многих качеств и свойств индивидуального человеческого организма, в то же время культуры обладают чем-то другим, чего нет у организмов. Но не может быть сомнений в том, что культуры — это реальные системы с определенной продолжительностью жизни, существующие в действительности по законам диалектики, подобно тому, как живут другие организмы и даже неодушевленные предметы (объекты).

Б. Жизнь культур

Культуры возникают, они растут, существуют некоторое время, в течение которого они страдают и процветают и, в конечном счете, погибают. «Жизнь» культуры — это период ее существования, термин «жизнь» применим здесь в метафорическом смысле. Мы должны спросить: 1) как возникают культуры; 2) что заставляет их развиваться и изменяться и 3) почему они приходят в упадок и погибают.

1. При изучении происхождения культур следует различать возможность (occasion) и причину (cause); возможность всегда исторична, а причина — логична. Событие может иметь несколько возможностей, но всего одну причину. Причиной автомобильной катастрофы служит физическое соприкосновение движущегося автомобиля и инертного физического объекта, например, дерева. Но катастрофа может иметь любое количество возможностей, таких, как опьянение водителя, отвлечение пассажиром, неизбежность

столкновения с другим автомобилем, велосипедом и так далее.

Проще говоря, причина возникновения культуры всегда одна, в то время как возможностей может быть много, и каждая из них послужит возникновению одинаково хорошо.

Истоки возникновения культуры всегда имеют одну причину; и мы определяем ее как вовлечение социальной группы с доминантной имплицитной онтологией. Имплицитная доминантная онтология является для культуры рядом предпосылок, набором аксиом, которые культура обрабатывает и приводит к действиям и практике. Таким образом, возможность для нового ряда предпосылок является также возможностью нового ряда актуальных переходов к практике. Трансляция абстрактных предпосылок в конкретные верования — динамический процесс, служащий для демонстрации в терминах практической деятельности; культуры всегда начинают с натиска. Например, быстрое распространение магометанской культуры, которое основывалось на приверженности новым принципам и последовало вскоре после смерти основателя. Или, например, быстрое распространение японского милитаризма после принятия китайского легализма и возрождения Шинто Сорэем, Хойгу, Мабучи. В обоих случаях причиной возникновения культуры было принятие имплицитной доминантной онтологии.

Возможностями для возникновения культур всегда являются катастрофы, которые способствуют принятию имплицитной доминантной онтологии. Конечно, никакая онтология не является однозначно имплицитной или доминантной, но ее имплицитное доминирование как раз означает ее принятие. Мы называем имплицитную доминантную онтологию принятой, когда члены социальной группы используют ее как таковую более или менее бессознательно. Доминирующая онтология, как и следует ожидать, варьирует в каждом случае своего принятия на веру в определенной социальной группе, и поскольку адаптация сама по себе и есть причина, возможности принятия имплицитной доминантной онтологии также в каждом случае присутствуют. Возможностей принятия имплицитной доминантной онтологии может быть так много, что все их назвать практически невозможно, но мы перечислим наиболее важные из них. Физические движения культур, такие как великие периодические миграции народов, могут

привести к контактам между социальными группами, и таким образом, возможность предоставления одной группой другой группе имплицитной доминантной онтологии, принятие ее на веру и будет причиной иной культуры.

Завоевание является другой возможностью; завоеванным насильно людям предоставляют новую онтологию, которая затем становится доминирующей не насильно, а в конечном счете, путем уверования. Любое движение социальной группы может в действительности стать возможностью столкновения со многими факторами в ее окружающей среде так, что появятся новые идеи и новые ценности. Результатом будет новая имплицитная онтология. В случае завоевания обычно именно захваченные, но иногда и захватчики, оказываются под наибольшим влиянием. Греки были завоеваны римлянами, но смогли в большей степени «навязать» свою онтологию завоевателям. С другой стороны, американские негры почти полностью приняли имплицитную доминантную онтологию западной культуры. Контакты захвата, и вообще любого движения, могут быть и часто становятся возможностями для появления новизны в имплицитной доминантной онтологии. Возможность представления этой онтологии не ограничена от влияния социальной среды, что мы отмечали, когда говорили о новизне соприкосновения культур, появляющейся из-за захвата или другой формы контакта. Возможность новой имплицитной доминантной онтологии может исходить из психологической среды, а именно, из индивидуальных сознаний. Например, открытие нового руководящего принципа или нового метода расследования могут быть подходящей возможностью. У нас есть исторический пример установления морали, как наивысшего социального контроля, Конфуцием в Китае в V веке до н.э.; и более поздний пример открытия эмпиризма в Европе времен Возрождения. В обоих случаях, в конце концов, под воздействие попала вся культура, изменения происходили путем реорганизации имплицитной доминантной онтологии в свете новой предпосылки. Однако новые открытия не являются достижением отдельного исследователя или кого-то другого, и этот феномен интересовал и беспокоил многих теоретиков. Если мы помним, что возможность открытия новых идей, ценностей, принципов, ме-

тодов предлагается индивиду культурой посредством некоторых новых условий, с которыми она должна столкнуться, мы не должны удивляться, узнав, что о новых силах достаточно хорошо знал не один человек, чтобы отреагировать на них предложенным образом. Ньютон и Лейбниц одновременно почувствовали присутствие в западной культуре новых математических изменений, исчисления потоков или, как оно более известно, интегрального или инфинитезимального исчисления. Открытие принадлежит условиям европейской культуры XVII века, и можно рискнуть предположить, что если бы ни Ньютон, ни Лейбниц не сделали этого открытия, то сделал бы кто-нибудь другой в течение очень короткого периода времени.

Биологический уровень существования может стать возможностью предоставления социальной группе новой имплицитной доминантной онтологии и соответственно способствовать появлению новой культуры. Биологические условия окружающей среды могут включать вскармливание и размножение социальной группой. Миграции в поисках новых пастбищ для скота могут стать, например, поводом для культурного контакта или создать уникальные условия, которые, в свою очередь, станут возможностью появления новых культурных ситуаций. Возможности могут привести к быстрому росту народонаселения, как, например, случилось в начале индустриальной эры в Англии XVIII века. Применение научного метода в медицинской практике привело к появлению совершенно новой концепции терапевтических методов, а затем к плавному изменению имплицитной доминантной онтологии. Жизнь, как простая продолжительность существования человека, обладает собственной ценностью, и в зависимости от отношения к этому факту философии народов часто изменяются. Увеличение или уменьшение количества животных в природе, повторное появление болезнетворных микробов с человеческим участием или без него, появление новых пищевых ресурсов при участии человека или без него могут воздействовать на восприятие новых ценностей и последующее осознание идей, претендующих на роль новых постулатов, вследствие чего может произойти принятие новых верований, что приведет к новой имплицитной доминантной онтологии.

Условия культуры, как мы их назвали, ведущие к психологическому открытию новых принципов и методов, и биологическое изменение обстоятельств могут, в свою очередь, порождаться изменениями в физической окружающей среде. Отношения социальной группы к физической окружающей среде могут изменяться из-за перемещения группы с одного места на другое, где она вынуждена столкнуться с другими условиями, такими, как температура, влажность, состав почвы и т.д. Но подобные отношения могут также меняться, если социальная группа остается в одном месте, в то время как физическая окружающая среда этого определенного места время от времени меняется. Интересно поразмыслить, хотя у нас, конечно, недостаточно знаний по этому вопросу, явилось ли таяние льда в конце прошлой великой ледяной эры поводом для возникновения примитивной культуры в области, которая сейчас называется Соединенные Штаты. Также постепенное высыхание местности из-за изменения осадков может стать неким поводом создать новые условия, которые приведут к новой жизни кочевого народа пустыни и соответствующим изменениям верований и убеждений, присущих имплицитной доминантной онтологии, как, возможно, случилось с арабами в конце первого тысячелетия нашей эры.

Мы рассмотрели истоки культур с точки зрения их причин и возможностей как процесс, повторяющийся время от времени. Но мы не можем оставить эту тему без рассмотрения проблемы происхождения первых культур. Обычно эта проблема ставилась в рамках полемики сторонников теории диффузии и теории независимых истоков, и мы уже затрагивали ее в этом ракурсе. Все доказательства распространения человеческих культур из одного основного центра могут считаться также неоспоримыми и для теории независимого происхождения. Тот факт, что одни и те же символы, например, свастика и спираль, широко распространены как в пространстве, так и во времени среди социальных групп, находящихся на очень разных культурных стадиях, примитивных и цивилизованных, ранних и поздних, часто предлагается как аргумент в пользу культурной диффузии.

Однако этот же факт можно интерпретировать несколько иначе. Вполне возможно, что человек склонен воспринимать и ин-

терпретировать природу более или менее одинаково и в некоторой степени нуждается в одинаковых символах; так что широкое распространение свастики и спирали, как и многих других похожих и даже идентичных культурных проявлений, могло быть независимым открытием человека, действующего под влиянием импульсов одной и той же человеческой природы в различные времена и в различных местах. Естественно, сходства, обнаруживаемые по всему миру, среди народов, находящихся на культурной стадии, считающейся примитивной, с точки зрения теории диффузии потребовали бы не только чрезвычайно сильного влияния из одного центрального источника возникновения, но и очень точного сохранения культурных характеристик. Однако следующий факт уменьшает правдоподобность данного утверждения, поскольку свидетели радикальных изменений, происходящих с одной единственной характеристикой в течение короткого периода времени, распространяющейся к периферии социальной группы или переходящей из одной социальной группы в другую, вряд ли поверят в то, что буквально тысячи характеристик, прошедшие огромные территории за длительное время, сохранились невероятным образом, не претерпев значительных изменений, так что мы без труда можем их узнать. Гораздо разумнее было бы предположить (хотя этот факт имеет те же особенности, что и другие феномены природы), что социальные группы всегда склонны реагировать похожим образом и что сходства эти таковы, что мы можем классифицировать их как примитивные или цивилизованные в культурах социальных групп, которые не имели возможности контактировать.

Более развитые культуры берут свое начало из других культур. Вступив в контакт с более старой и развитой культурой, народ, не будучи завоеванным, может получить «толчок» в результате освоения знаний более старой культуры и продолжить свое развитие в совсем другом направлении. Или из-за стимула другого уровня окружающей среды, например, условий, делающих возможным развитие сельского хозяйства, примитивные люди неожиданно перейдут на более высокую стадию. Стимул, несомненно, появляется из неожиданного и почти катаклизмического изменения в имплицитной доминантной онтологии. Простая истина заключается в том, что никто пока не знает, что служит поводом для таких

экстремальных изменений в имплицитной доминантной онтологии. Подобная онтология не является самозаражающей: стимулы для ее изменения должны прийти откуда-то, в первую очередь, откуда-нибудь извне. Но откуда? Как случилось, что группа примитивных индейцев неожиданно обрела великолепную славу Империи инков? Конечно, в условиях старой системы верований подобный расцвет вряд ли был бы возможен. Был необходим новый стимул: вера в новую систему идей. Но мы все еще не можем понять, откуда они пришли к инкам. Наиболее понятный случай, возможно, тот, что мы уже упоминали: магометанское завоевание, произошедшее в результате того, что племена народов пустыни были динамично активизированы идеями, которые они переняли у нового религиозного пророка в IX веке. Мы не знаем источника идей в каждом случае, но мы знаем, что стимул для новых действий, важность и размеры которого до тех пор были несслыханными в культуре, в основном появляется из идей, а именно из новых идеологических элементов имплицитной доминантной онтологии культуры.

2. Следующее, что мы обсудим, это изменения, происходящие в жизни культур по мере их роста и развития. Здесь мы должны начать наше описание с рассмотрения различий между причиной и возможностью, так как возможности изменений в жизни культур не всегда идентичны с логической причиной этих изменений. Возможностью изменений для большинства западных стран, от католических до протестантских, был взлет новых эмпирических наук, обращение к факту через опыт; а причиной стали недостатки, обнаруженные в основах католицизма, изъяны в авторитете Аристотеля, принятого за абсолют. Возможность обнаруживает наличие причины, и многие возможности могут обнаруживать наличие одной и той же причины. Неспособность защитить убеждение может быть возможностью, разоблачающей причину несостоятельности самого убеждения.

Мы уже выделяли в диалектике действительности возможности изменений в культуре. Движение культур должно считаться с катастрофами, которые в действительности направляют тенденцию к определенному развитию. Культуры — это реальные события, прокладывающие себе дорогу в реальном мире, однако этот путь может быть туманным и неизвестным для членов культуры.

На этом пути появляются новые условия, противоречащие ему и противостоящие культуре, и в соответствии с этими условиями культура должна измениться с целью выжить и продолжить свое существование. Условия могут появиться из любого уровня окружающей среды, и изменение всегда влечет перемену в имплицитной доминантной онтологии культуры. Имплицитная доминантная онтология, можно сказать, имеет ядро, сердцевину непрерывности, но оно — субъект изменений. В нем нет такой предпосылки, которая не может быть отброшена, и его система допускает добавления. Только благодаря невысокой скорости изменений мы можем узнать его. Имплицитная доминантная онтология состоит из ряда предпосылок, часть из которых медленно, но верно исчезает, в то время как другая медленно, но верно появляется.

Несмотря на то что имплицитная доминантная онтология является принципиальным элементом в культуре, потребность изменения имплицитной доминантной онтологии появляется не из самой онтологии, но из какого-то внешнего воздействия. Когда социальная группа изменяет свою деятельность под влиянием опыта, готов путь для новой имплицитной доминантной онтологии или, по крайней мере, для новых предпосылок в старой. Новая имплицитная доминантная онтология влечет дальнейшие изменения и так далее. Мы можем наблюдать предпосылки под маской принципов, входящих в имплицитную доминантную онтологию и таким образом продолжать воздействовать на практическую деятельность. Принцип свободы, индивидуализма, терпимости и демократии перешел в имплицитную доминантную онтологию западных культур от английских философов в XVII веке и в XVIII веке — от французских. Имплицитная доминантная онтология классической Греции переняла идею независимой истины из египетской религии, из концепции Маат, богини абстрактной истины.

Основная движущая сила развития и роста культур исходит от выдающихся личностей. Члены социальной группы, наделенные необычайно большим количеством разума, воображения и силы, обладают способностью вообразить, как все должно быть, задуматься, как привести все это «должно» в действие, и силой для того, чтобы разработать план. Можно не говорить, что все эти три способности не обязательно присутствуют в одном чело-

веке. Чаще у одного человека есть теория, а другой преуспевает в открытии, как привести эту теорию в жизнь. Но в любом случае факт остается фактом, культуры двигаются, развиваются и прогрессируют благодаря вкладам отдельных людей в рамках социальной группы культуры. Имя так называемого гения, которое слишком часто дается посмертно, является признанием того факта, что человек сделал вклад в культуру, в которой живет или жил. Приобретение новых черт не может происходить в культуре отдельно от эффекта диффузии, за исключением случаев вкладов отдельных людей. Массовые открытия редки, если вообще когда-либо происходили; но, с другой стороны, процессы открытия и его применения требуют более чем одного человека, так как индивидуалы доделывают работу друг друга, и признание массы так же нужно до того, как социальная группа примет черту, и необходимо, если черта должна быть признана как характеристика культуры в целом.

Возможность принятия или отвержения предпосылки имплицитной доминантной онтологией содержится в опыте культуры как целого. Когда она вступает в противоречие или реальный конфликт, необходимо изменение. Реакция зависит от порядка требования изменения. Слишком большие требования встречают не ответ, а смерть, но сейчас мы имеем дело не с этим. На настоящий момент нас интересуют только те реакции, которые адекватны возможностям требования. Требование может появляться в результате конфликта на физическом уровне окружающей среды. Он должен состоять из физического события, имеющего культурные отражения. Климатическое изменение, извержение вулкана, обнаружение минералов — все это относится к событию, о котором идет речь. Как только народ меняет свой ареал, он наталкивается на новые физические условия той среды, в которую он переместился. Например, миграция кочевых народов иногда сталкивает их со средой, которая предполагает другой образ жизни, конец скитаний; или народ вынужден перейти к другому образу жизни из-за того, что среда, в которой он жил, неожиданно стала непригодной. Биологическая среда производит того же рода изменения, что и физическая. Невозможность пищевого снабжения может, путем принуждения к миграции, привести к изменениям в жизни культуры.

Или кочевой народ, который жил, следуя за стадом, может быть вынужден искать больше корма для скота. В каждом из случаев именно изменения в биологической среде культуры, в ее флоре и фауне, заставляют культуру меняться, если она хочет продолжить свое развитие. Изменения, подобные этим, могут привести к отклонению от первоначального курса; но, по существу, он остается тем же, пока основные предпосылки в имплицитной доминантной онтологии остаются неизменными.

Однако наиболее распространенными источниками изменений в культуре являются психологическая и социальная среды. Они по большей части состоят из контактов с другими культурами. Любая культура обменивается идеями с другими, в свою очередь, каждая из них принимает или отвергает некоторые принципы, методы и навыки. Во многих случаях, но никак не во всех, культурные контакты происходят путем завоевания, завоевания культуры или завоевания культурой другой культуры. Без сомнения, многие культуры оказались под влиянием Римской империи, но один народ, греки, практически преуспели в завоевании своих завоевателей. Римская культура не имела бы такого влияния на другие культуры после своего упадка, если бы не тот факт, что культура греческих городов-государств во многих аспектах была перенята римлянами. Римское право и политический порядок — это экстраполяция греческого философского понимания порядка в область практической деятельности. Движение культур, действительное физическое движение, было основным фактором, приводившим к контакту с другими культурами. Этот аспект является чисто физическим, но сам контакт и результаты контакта переживаются на психологическом и социальном уровне.

Источником культурных изменений на уровне психологической и социальной сред является феномен диффузии. Культуры развиваются путем использования случайных открытий и целенаправленных изобретений, сделанных отдельными представителями как других культур, так и своей собственной. Культуры также изменяются путем присвоения черт других культур, которые уже переняли их у своих членов. Роланд Б. Диксон в «Возведении культур» («Building of Cultures») выделил две степени диффузии, которые он назвал первичной и вторичной: первичная диффузия состоит в

распространении черты или качества от отдельного человека к его социальной группе. Вторичная — заключается в распространении этой черты в других социальных группах. Диксон отметил, что существует отставание в распространении черты, так что она остается наипростейшей на периферии культурной области и наиболее сложной в центре. Диффузия черты может быть асимметричной и происходить с различными скоростями, изменяясь по мере распространения, формируя новые центры и двигаясь не всегда непрерывно. Законы культурной диффузии все еще неизвестны; могут существовать одновременно силы культурного проникновения и совмещения, но это еще нужно изучить.

До сих пор мы говорили о культурных изменениях, вызванных новациями в физической, химической, биологической, психологической и социальной средах. Эти изменения вызывают культурные стрессы. Но помимо стрессов также существуют напряжения. Напряжение — это стресс, прочувствованный изнутри. То, что происходит внутри культуры, когда изменение навязывается извне некоторыми элементами окружающей среды, и есть напряжение. Естественно, если нет стресса снаружи, то нет и напряжения внутри. Напряжение проявляется в ослаблении организации, которое не возникло бы, если бы культура оставалась статичной. Именно то, что культура живет и следует определенному курсу развития, который включает в себя непрерывный контакт с дружественными и враждебными элементами окружения, и служит причиной появления слабостей. Дружественный элемент в окружающей среде может принести пользу определенной части культуры за счет другой ее части и, таким образом, привести к чрезмерному напряжению последней, и вызвать изменение.

Изменение имплицитной доминантной онтологии культуры оказывает незамедлительное воздействие на институты внутри культуры. Сначала один институт оказывается ведущим фактором, потом другой; и то, какой именно институт станет ведущим, диктуется имплицитной доминантной онтологией. Обычно, хотя не всегда, ведущим институтом является религия в виде церкви. Церковь и транслируемая ею религия обычно преподносят фундаментальные верования в эксплицитной форме, но иногда эту функцию выполняют другие институты. Когда так случается, церковь

остаётся внутри культуры как старомодный и анахронический элемент. За последние несколько лет в западной культуре институт науки занял место института религии и стал носителем новых убеждений имплицитной доминантной онтологии. Под влиянием идей марксизма и фашизма стал набирать силу институт политики в форме национального государства. Можно представить, что и другие институты, такие, как искусство и философия, станут ведущими в культуре. В каждом из случаев институты меняются с изменением в имплицитной доминантной онтологии, и часто один берет верх над другими. Институт, наиболее точно представляющий или способный поддержать новые принципы, вошедшие в имплицитную доминантную онтологию, и станет ведущим.

Рост и развитие культур не бывает равномерным. Существуют периоды относительной стабильности и относительной мобильности. Наверное, не существует периодов абсолютного покоя и абсолютного изменения. Социальная революция — это период экстремального изменения, как в России первой четверти XX века. А преобладание традиционного порядка в обществе — это период необычайной стабильности, как в Англии во второй половине XVIII века. Именно в период экстремальных изменений большинство предпосылок и вводятся в структуру имплицитной доминантной онтологии. А в период необычайной стабильности происходит переход от новых предпосылок к практическим действиям в жизни культуры. Период, известный как «смутное время» («time of troubles»), должен быть так же известен, как эра философов (age of philosophers). Философы могут появиться в любом месте и в любое время, но результаты их деятельности будут наиболее эффективны тогда, когда первоначальные принципы меняются, и поэтому кандидатуры на занятие позиций в имплицитной доминантной онтологии рассматриваются наиболее серьезно. Мы также должны отметить, что кандидатуры для новых убеждений рассматриваются наиболее серьезно только потому, что старые убеждения находятся под сомнением, а это не может произойти, если выводы из этих старых убеждений не вступают в противоречие или в реальный конфликт, то есть не оказываются неприменимыми. Таким образом, эра философов может быть описана более точно как время для философствования. В более стабильное время философия кажется

лишь академическим занятием людей, либо уставших от мира практических действий, либо неспособных справиться с ним. Сила независимых принципов не проявляется, пока какие-либо изменения не вынудят ее обнаружить себя.

3. Мы обсудили истоки культур и природу изменений, имеющих место по мере их роста и развития. Сейчас нам остается рассмотреть причины и возможности упадка. Возможностью упадка культуры может быть любое препятствие внутри или вне культуры; причиной — противоречие, которое преодолеть культура не в состоянии. Давайте рассмотрим их на примере различных уровней окружающей среды, из которых проистекают сложности для культуры.

На физическом уровне феномен катаклизма может оказаться непреодолимым, что проявляется в слишком резких и экстремальных климатических изменениях, извержениях вулканов, оползнях, наводнениях. Если физические феномены не могут быть преодолены культурой, допустим, они не сразу уничтожат и подавят социальную группу, то они точно приведут к началу упадка культуры, так как сделают невозможным продолжение развития по прежним стандартам, обеспечивавших базис этого развития. Человеческая культура находится во власти физических условий окружающей среды, которые должны сохранять свой баланс (внутри очень небольшой зоны действия) для того, чтобы культура могла продолжать свое существование. Нет сомнений, что в далеком прошлом инфра-примитивные и, возможно, примитивные культуры были уничтожены оледенением. Подобные культуры существовали, в соответствии с геологическими данными, в промежуток между ледяными эрами, до тех пор пока искривления земной коры не создали для них дополнительные трудности.

На биологическом уровне недостаток пищевых запасов был значительной причиной упадка культур. Когда народонаселение начинает превышать имеющиеся пищевые запасы, а технические методы их увеличения невозможны, борьба за существование становится необходимой для поддержания высокого уровня культуры, результатом чего опять становится упадок. Продолжительные засухи могут превратить пастбища в пустыню. На биологическом уровне мы сталкиваемся с феноменом бактериальных паразитов и микробов, а также обширных эпидемий, распространяющихся

по социальной группе, уменьшающих население детородного возраста, что ведет к быстрому упадку культур. Другим случаем являются внутригрупповые сексуальные отношения, которые могут привести к ослаблению культуры путем негативного воздействия на рождаемость внутри человеческой популяции; не внешние, а внутренние контакты создают опасность для социальных групп, которые, считая свою расу или культурную группу исключительной, подписывают себе смертный приговор.

На психологическом и социальном уровнях межкультурные контакты, особенно когда они принимают форму завоевания или какую-нибудь другую форму насилия, могут привести к тому, что подчиненная группа ослабнет или ее члены лишатся желания жить. Это приводит к тому, что у членов группы «сдают нервы», по выражению Гилберта Муррея, и к последующему упадку. У американских индейцев долгое время уменьшалось население. Население полинезийцев на островах Французского Сообщества превосходило 200000 человек, когда капитан Кук обнаружил их, но уменьшилось до 15000 человек в результате контакта с европейцами. Войны являются мощными источниками культурного упадка, в частности, продолжительные войны, обесиливающие население. «Еще одна такая победа, и с нами будет покончено», — заявил греческий генерал после удачной кампании против персов. Особенно разрушающим является вторжение членов более развитой культуры в традиции примитивных народов, и идущее за ним желание улучшить, усовершенствовать, «цивилизовать», так же как и завоевать. Когда народ лишают собственного образа жизни до того, как он оказывается способным к ассимиляции иного, он теряет свою культурную гордость и желание бороться.

Описанные нами факторы, вторжение в культуру каких-то изменений в окружающей среде, от которой она зависела, или какой-то новой проблемы, которую культура не способна разрешить, приводят к медленному или резкому упадку в культуре. Подобные сложности проявляются как стрессы извне, но переживаются как напряжение. Они отвечают за некоторые, связанные с этим сложности в самой культуре, и поэтому могут быть причислены к какой-нибудь внутренней причине, хотя они могли быть вызваны непосредственной или даже отдаленной средой.

Силы, приводящие культуру к упадку, не всегда очевидны ее членам. Упадок, как и развитие всегда предполагает сдвиги в ведущем социальном институте. Ликвидаторами культуры редко являются те же институты, что привели ее к расцвету. Армия, новое религиозное возрождение или политическая партия, ранее не интересовавшаяся властью, могут взять на себя задачу роспуска правительства под маской влияния на воспроизводство культуры. Нельзя слишком часто делать акцент на том, как сложно и даже почти невозможно для части познать целое. Всегда легче увидеть проблемы других, чем познать собственные, и это в не меньшей степени относится к жизни культуры. Уже отмечалось другими мыслителями, что культуры имеют определенный период жизни, как и люди, но какова длительность этого периода, можно только предполагать; это до сих пор не известно. В случае с людьми жизненный период проверен статистически, в основном, через таблицы страхования; но до сих пор мы имеем дело с недостаточным количеством культур, чтобы собрать информацию для соответствующих вычислений в этой сфере. Область истории точнее характеризуется неведением, чем знанием, и поэтому расхождения огромны. Вдобавок, культурам, в отличие от людей, сложно дать определение. Мы узнаем человека, когда видим его, культуры же являются огромными организациями. Они не имеют выраженного начала и конца, во время расцвета их границы неотчетливы, и они незаметно переходят друг в друга достаточно неопределенным образом. Мы не всегда идентифицируем культуру, когда видим ее. У нас недостаточно проницательности, чтобы распознать то, что Тойнби назвал культурными эскарпами (cultural escarpments). Следовательно, мы не знаем, каков период жизни культуры. Но мы знаем, с другой стороны, что у нее есть происхождение, рост, развитие, период расцвета и упадок, предполагая, что не происходит ничего, что могло бы уничтожить ее на одной из этих стадий. По крайней мере, происходит какой-то прогресс в исследовании культур в целом, и мы можем надеяться на его развитие в будущем. Даже с имеющимися неадекватными средствами можно было бы узнать гораздо больше, и наши позитивные возможности увеличиваются по мере накопления данных и усовершенствования методов.